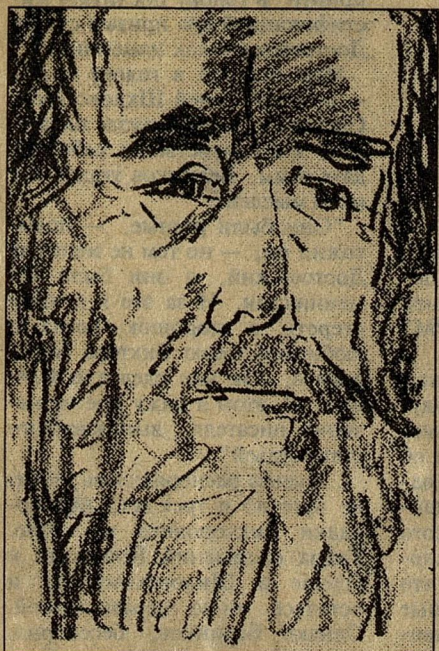

«Русская мысль»

ДУХОВНЫЕ ПУТИ

Мирозерцание Солженицына

А.И.Солженицын в Вандее.
Рис. Николая Дронникова.

То, что пишет и говорит Солженицын, мгновенно становится предметом дискуссии, полемики. Писателю выносятся одобрение или порицание, в зависимости от установки пишущего о нем, установок, чаще всего политической, иногда — эстетической. Но мне что-то не напоминает статья о нем, где была бы сделана попытка раскрыть его мироощущение изнутри, опираясь на анализ того, что писатель высказал за тридцать три года, истекшие после публикации «Одного дня Ивана Денисовича».

Между тем, такой труд возможен — коль скоро нам доступно предельно полное собрание его художественных произведений и его публицистики, недавно пополнившаяся прекрасным изданным Ярославским Верхне-Волжским издательством первым томом статей и речей Солженицына, изданным немалым по нашим временам десятилетиям тиражом, с существенными и точными, как всегда, пояснениями Н.Д.Солженицыной. И не только возможен, но и полезен — для уяснения сущности мироощущения писателя и для очищения его от той фальсификации и прямой клеветы «наших плюралистов» и «нашей полуборозованщины», что вот уже четверть века сопровождает малейшее слово или поступок Солженицына.

Ядро мироощущения Солженицына — его вера в Бога, христианство Солженицына. Хронологически впервые в этом можно было убедиться, когда в Самиздате пошел по рукам «Пасхальный крестный ход» (1967) и молитва Солженицына, когда в предисловии к русскому изданию «Августа Четырнадцатого» (1971) он писал, что на родине слово «Бог» пришлось бы писать с маленькой буквы («на это унижение я уже не могу приклониться»), и наконец — после «Письма Патриарху Пимену» (1971) и письма «Третьему Собору Зарубежной Русской Церкви» (1974). Сознывая себя, как и всякого человека, «подмастерьем Бога», Солженицын считает, что «весь поворот мира за прошедшие три века есть часть единого грозного процесса утери человечеством Бога».

Однако, будучи христианином и сыном Русской Православной Церкви, Солженицын, вопреки тому, что часто о нем пишут, чрезвычайно целомудрен в формулировках оттенков своего боговидения. Он старается не поминать имя Господа всуе, и ссылки на Евангелие отнюдь не пестрят на страницах его текстов, художественных или публицистических. Отдавая дань традиции «от Алексея Хомякова до Сергея Булгакова», Солженицын опять-таки не видит в этой традиции спасительного прибе-

жища. Пожалуй, чаще и сочувственнее других он цитирует о.С.Булгакова, но не его богословские труды, а его христианскую публицистику.

Важно и то, что православный Солженицын не замыкается в скорлупу узкого конфессионализма. 27 октября 1981 года он написал обращение к Ватиканской конференции «Общие христианские корни европейских наций», исполненное заботой о судьбах христианской цивилизации в целом и необходимостью соединенных усилий для ее спасения. 17 октября 1978 г. на вопрос польского журналиста «Культуры» Солженицын писал в связи с избранием нового Папы: «Вместе с католиками восточноевропейских стран мы, русские, глубоко радуемся этому избранию». Можно предположить (хотя высказываний Солженицына по этому поводу я не знаю), что он, рассматривающий трагедию русского раскола XVII века как катастрофу, едва ли не равную по масштабам 1917 году, так же смотрит и на разделение христианских Церквей.

Более того. В «Октябре Шестнадцатого» один из важнейших персонажей романа говорит: «В исключительности и нетерпимости — все движенье мировой истории. И чем могло бы христианство их превзойти — только отказом от исключительности, только возражением до многоприемлющего смысла. Допустить, что не вся мировая истина захвачена нами одними. Не проклянем никого в меру его несовершенства».

В принципе далеко в глубь всемирной истории писатель не заходит. Судьбы христианской цивилизации он подвергает своему осмыслению начиная с позднего Средневековья. Выступая по французскому телевидению 9 марта 1976 года и касаясь положения Запада, писатель сказал: «Нынешнее положение Запада — не только политический кризис, гораздо глубже. Это — духовный кризис давностью лет в 300. Этот кризис оттого, что мы в позднем Средневековье бросились в материю, мы захотели иметь много предметов, вещей, жить для всего этого телесного, а нравственные задачи забыли, и поздним, поздним ударом это нам отозвалось». Средневековые перегнули палку в сторону примата духа над плотью, и последовала реакция Возрождения, а затем Просвещения. Вместе со всеми благотворными переменами, принесенными этими эпохами, не забудем и о 30-летней и Семилетней войне, о терроре французской революции и самое главное — о том, что человек, потеряв Бога, утратив вертикаль, свел свое существование к материальным заботам, к борьбе уже не за выживание, а за комфорт и благополучие, забыв о самоограничении — важнейшей категории мирозерцания Солженицына.

Этот «орбитальный» путь человечества сам Солженицын в одном из выступлений (1974) кратко изложил так: «Возрождение — Реформация — Просвещение — физические кровопролитные революции — демократические общества — социалистические попытки. Этот путь не мог не совершиться, коль скоро Средние века когда-то не удержали человечества, от того, что построение Царства Божьего на земле внедрялось насильственно, с отбращением существующих прав личности в пользу Целого. Нас тянули, гнали в Дух

— насильем, и мы рванули, нырнули в Материю, тоже неограниченно. Так началась долгая эпоха гуманистического индивидуализма, так начала строиться цивилизация на принципе: человек — мера всех вещей, и человек превыше всего».

В течение «мутноватого XIX века» нарыв созрел и прорвался в «зловещем XX-м», веке мировых войн, революции, коммунизма и нацизма, терроризма — с одной стороны, и «духа Мюнхена», т.е. духа уступчивости, духовной слабости, — с другой, на фоне материального и духовного мусора, ежедневно творимого технологически богатой, но духовно ничтожной цивилизацией и порожденными ее рекламой «плоскими идеями», «жеманным искусством», продажными средствами массовой информации («необузданное, ненаказуемое, до проституции распущенное свободное слово XX века»), партийным и коммерческим базаром.

Этим плодам XX века Солженицын противопоставляет рецепты как «отрицательные» («самоограничение», «жить не по лжи»), так и положительные — Дух и его порождения: Добро, Истина, Красота. Причем, как историк служивший Истине, а как писатель — Красоте (при всей условности такого разделения), как мыслитель он делает упор на Добро, на нравственность, в полном согласии с морализмом как русской литературы, так и русской мысли.

В первом публицистическом произведении — «Ответ молодому ученому» (ноябрь 1966) — на двух страницах Солженицын слово «нравственность» и производные от него употребил пять раз.

Зловещий XX век, бросивший вызов Истине и Красоте, как никакой другой оказался полем битвы Добра и Зла, мира и насилия, по слову Солженицына. И так уже случилось, что местом, где «Бог и дьявол борются», пространством двух мировых войн, самой страшной революции и чудовищного коммунистического эксперимента оказалась Россия — родина писателя.

Каждую нацию Солженицын воспринимает как личность, а личность — как сочетание родового прошлого, традиций, испытаний современности и творимого личностью будущего во взаимодействии с Божественным Промыслом. Фронт, тюрьма и раковый корпус научили его ценить жизнь, каждый миг ее. Своеобразие таланта художника и мыслителя — в соотношении исторического видения прошлого и предвидения будущего.

Как личность, Россия Солженицына несет в себе все грехи и добродетели прошлого. Обилие тех и других делают ее прошлое, настоящее и будущее значительными не только для нее одной. В этом смысле он совмещает западническо-чаадаевское восприятие России как урока для других и славянофильско-хомяковское: «О, недостойная избранья, Ты избрана».

Как не соответствуют правде попытки представить Солженицына как «теократа», так только по недоразумению можно считать его «монархистом» и врагом демократии («Очень нужна» — сказано о демократии в «Как нам обустроить Россию»).

В «Русском вопросе к концу XX-го века» писатель подверг критике почти всю династию Романовых, от второго ее представителя Алексея Михайловича до последнего. «Монархия — сильная система, но с монархом не слишком слабым. Быть христианином на троне — да, но не до забвения деловых обязанно-

стей, не до слепоты к идущему развалу... В своем дремотном царствовании, когда бездействие избирается удобнейшей формой действия, наш роковой монарх дважды поспешествовал гибели России. И это — при лучших душевных качествах и с самыми добрыми намерениями!»

Но когда оппонентами и преемниками монархии в борьбе с «шайкой никем не избранного полунинтеллигентного полуреволюционного отребья» оказываются несколько «третьесортных интеллигентов и второсортных революционеров», происходит Февраль — осмысление его и есть главная заслуга Солженицына-историка, а «Март Семнадцатого» может считаться вершиной его творчества. Выводы Солженицына относительно Февральской революции: «Идеи ее были плоски, а руководители ничтожны»; «Через наших высших представителей мы как нация потерпели духовный крах», — если не влияют на сегодняшнее бытие России, то хоть по крайней мере помогают многое в ней понять.

В романе «В круге первом», открывающем собрание сочинений писателя, есть место, пред-

ставляющее ключевым для понимания всей его деятельности последних сорока лет (био-

графу писателя безразлично, на каком этапе создания романа он словесно выразил свой жизненный замысел на много лет вперед): «В численном интегрировании дифференциальных уравнений безмятежно прошла бы жизнь Нержина, если бы родился он не в России и не именно в те годы, когда только что убили и вынесли в Мировое Ничто чье-то большое дорогое тело. Но еще было теплое то место, где оно лежало. И, никем никогда на него не возложено, Нержин принял на себя бремя: по этим еще не улетающим частичкам тепла воскресить мертвеца и показать его всем, каким он был, и разуверит, каким он не был».

От «Ивана Денисовича» до последних «новомирских» рассказов 1995 года, показавших обновленного писателя, вернувшегося к давнему замыслу уплотнения повествования до малой формы («для художника большое наслаждение работать над малой формой»), Россия становится его главным героем, вобравшим в себя Шухова и Матрону, Нержина и Костоглотову, Столыпина и Николая II, Вортынцева и Самсонова, Добрыхотова-Майкова и отца Серапиона. Но и Богрова и Ленина, чекистов и «плюралистов».

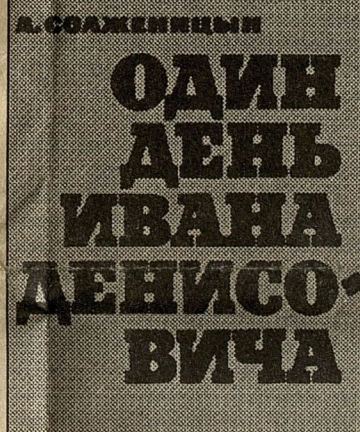
И революция, террор, ГУЛАГ, коллективизация, разрушение храмов, война, а также раковый корпус, битва теленка с дубом, поражения и победы — существенные категории мироощущения писателя.

А еще: любовь, семья — самое дорогое и самое уязвимое место у человека, дружба и предательство, раскрытие замысла о себе и его реализация как движение к Чуду.

И двадцать томов написанного и сказанного Солженицыным — собирателем «частиц тепла», делают Россию все более теплой, и кажется, что рана 1917 года была не смертельной, что страна не канула в Мировое Ничто, что страна воскреснет в том веке, для которого Солженицын еще не подобрал определения.

БОРИС ЛЮБИМОВ

Москва

Обложка первого издания
«Одного дня Ивана Денисовича»
(М., «Сов. писатель», 1963).

ставляющее ключевым для понимания всей его деятельности последних сорока лет (био-